

Владимир Мисюк

Голос

«Автор»

2026

Мисюк В.

Голос / В. Мисюк — «Автор», 2026

У Вовы было всё, о чём можно только мечтать: успешный бизнес и любящая семья — жена Полина и две прекрасные дочери, Лера и Варя. Он был для них нерушимой скалой, главным защитником и опорой. Но в один миг идеальный мир рушится — Вова погибает в страшной авиакатастрофе. Пока ослепшая от горя Полина пытается выстоять под ударами судьбы, а старшая Лера прячет боль за маской напускного безразличия, в их жизни снова появляется Олег. Харизматичный, успешный и спортивный друг семьи без лишних слов берет контроль над бизнесом и проблемами на себя, напоминая идеального спасителя. Но когда земная опора исчезает, а опасность подбирается к самому порогу, младшая дочь Варя начинает чувствовать то, во что невозможно поверить. Вова не нарушил своего обещания вернуться. Изменив законы вселенной, его невидимые ладони ложатся на плечи близких. Сможет ли отцовская любовь из другого мира стать тем самым «невидимым плечом», которое спасет семью от предательства и вернет им надежду?

© Мисюк В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Слово автора	5
Глава 1. Начало	6
Глава 2. Пустота	10
Глава 3. Время лечит	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Мисюк

Голос

Слово автора

Нас часто просят измерить то, что в принципе не поддается измерению. Общество любит формулировки, красивые эпитеты и четкие ответы. Но если вы подойдете к мужчине, который по-настоящему, всем сердцем предан своей семье, и спросите: «Как сильно ты любишь свою жену и детей?» — он, скорее всего, на мгновение замолчит.

И эта пауза не будет означать, что ему нечего сказать... Но на самом деле, в эту секунду внутри него пронесется целый мир.

Дело в том, что настоящая, зрелая любовь главы семьи — это не романтические стихи и не громкие лозунги. Это стихийное, почти первобытное чувство ответственности, защиты и абсолютного слияния. Как описать словами то, что стало твоим воздухом, тем без чего ты не представляешь своего существования? Как объяснить логикой связь с женщиной, которая делит с тобой не просто эту жизнь, не просто подарила тебе два прекрасных создания, а каждый день смотрит тебе в глаза, и ты там не видишь ничего, кроме вашего первого поцелуя, кроме вашей свадьбы и слова «Да» на всем известный вопрос... А с детьми? С детьми в чьих глазах ты видишь продолжение собственной души. Связь отца с детьми — это вообще отдельное, почти мистическое измерение. Это не просто родство по крови. Это невероятный, невидимый мост, который строится из ежедневных мелочей: от первого робкого момента, когда маленькая ладошка сжимает твой палец, до молчаливого понимания с полувзгляда, когда они взрослеют. Это готовность перевернуть мир ради их улыбки и необъяснимый страх, смешанный с безграничной гордостью, когда ты видишь, какими они становятся.

Эта книга — не вымысел. Книга родилась на стыке, где тонкое переплетение реальной, живой истории встречается с сюжетом, который завтра может произойти абсолютно с каждым. В мире, где благополучие хрупко, а за красивыми масками порой скрывается предательство, эта история обнажает самую главную, фундаментальную истину. В её основе сокровенные мысли и заветное желание любого отца — защитить свою семью, чего бы это ни стоило! Быть для них щитом и опорой. И, самое главное — оставаться этим защитником вне зависимости от любых обстоятельств. Даже тогда, когда кажется, что это физически невозможно. Потому что истинная любовь мужчины не знает преград и не заканчивается никогда.

Эта книга — попытка заглянуть вглубь этой тихой, но сокрушительно мощной любви. Любви, которую невозможно облечь в простые слова, но которую можно почувствовать в каждом поступке, в каждом принятом решении, в каждом действии.

Глава 1. Начало

На кухне пахло жареной курицей и специями — Лера в последнее время увлеклась готовкой, и сегодня это был её кулинарный бенефис. Она с важным видом помешивала что-то на сковороде, изредка поправляя сползающие наушники, из которых глухо доносился какой-то трек. Несмотря на подростковый бунт, который в последнее время всё чаще сквозил в её голосе, сейчас она выглядела очень домашней.

— Лер, соль не забыла? — Полина прошла мимо, лавируя между кухонным столом и разложенным прямо на стуле кожаным портфелем мужа.

— Мам, я знаю, что делаю, не мешай шефу, — не оборачиваясь, фыркнула Лера, но в её голосе не было злости. Только напускная строгость.

Полина вздохнула и вернулась к сборам. Она аккуратно складывала документы Вовы в прозрачную папку.

— Вов! Ты паспорт-то положил? — крикнула она в сторону коридора. — И повербанк твой опять на нуле. Я тебе Варин кладу, синий, он полностью заряжен. Слышишь?

Из спальни вышел Вова, застегивая на ходу пуговицы свежей рубашки.

— Слышу, дорогая, слышу. Паспорт в кармане, повербанк спасет мне жизнь, спасибо.

Он подошел к жене со спины, обнял её за плечи и уткнулся носом в макушку. Полина на мгновение замерла, расслабившись в его руках, а потом легонько тронкла его по ладонь:

— Не отвлекай, я еще тебе пакет со спортивной собираю. Костюм твой сомнется за весь день, перед обратным вылетом переоденешься в машине или в аэропорту. Поездка безумная какая-то... Зачем лететь ради двух встреч?

— Работа, Полюш. Зато всё быстро: в семь утра вылет, в девять уже на первой встрече, в двенадцать — вторая, а в шесть вечера я уже сажусь в самолет обратно. К полуночи буду дома. Даже пообедать толком не успею.

У ног Вовы бесшумно появилась Варя. Она стояла, обхватив руками его большую дорожную сумку, и смотрела на отца снизу-вверх своими огромными глазами.

— Ну чего ты, хвостик? — Вова присел на корточки и легонько щелкнул её по носу.

Обычно Варя летала с ним везде, где это было возможно. «Вовкин хвостик» — любя называли её в семье. Но в этот раз график был слишком жестким.

— Я бы очень хотел взять тебя, Варюш. Но это не поездка, а сплошной бег с препятствиями. Ты просто устанешь, будешь весь день сидеть в душных офисах. Давай в следующий раз? Обещаю, полетим вместе, снимем тот отель с басиком, будем видосики скидывать маме с Лерой и дразниться.

Варя шмыгнула носом и крепко прижалась к его плечу.

— Обещаешь?

— Зуб даю, — серьезно сказал Вова, поцеловав её в щёку.

Он с улыбкой окинул взглядом свою младшую дочь. Варя в свои неполные одиннадцать вытянулась до ста пятидесяти пяти сантиметров. Рядом с крупным, крепким отцом она казалась совсем крошечной, хрупкой, словно фарфоровая статуэтка. Это ощущение усиливало её удивительное, почти кукольное личико: аккуратный, слегка курносый носик, точёные скулы и пухлые губы, которые она сейчас обиженно поджала. Но главными на этом лице были глаза — огромные, глубокие, голубые, словно море в котором сейчас плескалась детская грусть.

В темноте прихожей её длинные, уложенные мягкими волнами волосы вспыхнули необычным, малиново-розовым оттенком. Вова невольно усмехнулся, вспомнив вчерашний вечер. Варя давно мечтала о чём-то подобном — ярком, бунтарском, выделяющем её из толпы. В итоге они вместе с мамой уступили её уговорам, купив специальный оттеночный тоник. Он

был абсолютно безвреден для детских волос и должен был смыться всего через несколько дней, но сейчас этот взрыв орхидеи на голове Вари выглядел как её личный манифест. Она так хотела поехать с папой.

В просторном чёрном оверсайз-топе, из которого её тонкие плечи казались ещё меньше, с этими невероятными розовыми волосами Варя была похожа на персонажа из её любимых историй. За этой мультяшной, кукольной внешностью скрывался характер бунтарки, не принимающей никаких компромиссов. Она вздохнула, аккуратно поправила волосы и посмотрела на Вову так, понимая всё без лишних слов.

— Так, давайте за стол! Всё готово! — скомандовала Лера, с грохотом выставя в центр стола дымящееся блюдо. — Если остынет — я обижу на вас.

Они сели ужинать. На улице уже сгущались сумерки. Над столом светила новая диодная люстра тёплым светом, Лера хмурилась, но явно ждала похвалы за ужин. Вова уплетал за обе щеки, нахваливая «шеф-повара», а Варя тихонько двигала свой стул поближе к папиному, чтобы сидеть плечом к плечу.

За столом было шумно. Вова с аппетитом потянулся за добавкой, подмигнув Лере.

— Лерка, официально заявляю: твоя курица — это шедевр. Маме придется уступить тебе корону главного шеф-повара дома.

— Ну уж нет, — рассмеялась Полина, но тут же мягко улыбнулась старшей дочери. — Хотя признаю, получилось невероятно вкусно.

— Ладно вам, ешьте уже, — стараясь показать, что ей безразлично отозвалась Лера, хотя её щеки заметно порозовели от удовольствия.

Она опустила глаза в тарелку, поправляя густую, идеально прямую чёлку. В свои пятнадцать Лера была полной противоположностью своей младшей сестры. Если Варя была хрупкой и воздушной, то в Лере, несмотря на её юный возраст, уже угадывалась чёткая внутренняя дисциплина и собранность.

Она сидела с безупречно прямой осанкой, одетая в лаконичный синий топ, который выгодно подчёркивал её точёную фигуру. У Леры был строгий, правильный овал лица и плотно сжатые губы, которые она всегда упрямо поджимала, когда пыталась скрыть волнение или радость. Но ярче всего её натуру отражал взгляд — невероятно серьёзный, прямой и пронизывающий насквозь своими карими глазами. В нём не было подросткового легкомыслия; Лера смотрела на мир с твёрдой решимостью человека, который привык всё держать под контролем и не пасовать перед трудностями.

Сейчас, принимая заслуженную похвалу от отца, она изо всех сил старалась удержать эту маску взрослой независимости, но тёплая улыбка Вовы и мягкий взгляд мамы всё-таки растопили её броню, заставив Леру смущённо улыбнуться в ответ.

Она уткнулась в телефон, но уже через секунду отложила его и посмотрела на Вову. — Пап, раз уж ты в этот раз без Вари летишь... Ты помнишь, что обещал нам летом? Нормальный, полноценный отпуск.

— Конечно, помню! — Вова отложил вилку и облокотился на стол. — Я как раз думал об этом. Вернусь из этой командировки, закроем квартальный отчет, и в конце месяца поедem. Хватит с нас дикого темпа. Давайте снимем тот дом в сосновом бору у озера, про который Поля рассказывал. Помните, там еще лодки напрокат дают и огромный бассейн с подогревом?

— И чтобы там был веревочный парк! — тут же оживилась Варя, придвигаясь к отцу еще ближе. — Пап, мы же полезем на самую сложную трассу? Ты обещал!

— Обязательно. Полезем на самую страшную, чтобы у меня коленки тряслись, — улыбнулся Вова, взъерошив ей волосы. — А вечером устроим барбекю. Лерка будет за шефа, а мы на подхвате. Польшик, как тебе план?

Полина смотрела на мужа, и в её глазах читалась тихая, глубокая нежность. Она протянула руку через стол и накрыла его ладонь своей.

— Отличный план. Очень хочется просто побыть всем вместе. Без рабочих звонков и спешки. Ловлю тебя на слове.

В этот момент на телефоне Вовы, лежащем у тарелки, вспыхнул экран. Короткая вибрация разрушила уютное облако планов. На экране высветилось уведомление: «Желтый Kia Rio ожидает вас у подъезда».

— Ну вот и всё, пора, — вздохнул Вова, поднимаясь из-за стола.

Сразу началась привычная суета перед выходом. Полина быстро всучила ему пакет со спортивной одеждой, еще раз напомнив про повербанк. Лера лениво, но крепко обняла отца в коридоре: «Давай, пап, удачи на встречах».

Варя стояла у двери последней. Вова присел перед ней, достал из кармана маленькую шоколадную медаль в золотистой фольге и вложил ей в ладошку.

— Это тебе за то, что отпускаешь меня одного. Веди себя хорошо, хвостик. Приеду — поедем выбирать купальник для отеля.

Они обнялись. Вова подхватил сумку, Полина пошла проводить его до лифта. Варя стояла у открытой двери и смотрела, как закрываются серые металлические створки.

Аэропорт встретил Вову привычным, монотонным гулом. Время близилось к пяти утра, но здесь, кажется, никогда не спали. Пахло разлитым кофе, дорогим парфюмом из Duty Free и вечной предполетной суетой. Люди вокруг двигались словно в полусне: кто-то кутался в шарфы, кто-то дремал на неудобных металлических сиденьях, прижав к себе рюкзаки.

Вова прошел досмотр на входе, быстро распечатал посадочный талон в терминале самообслуживания и направился к паспортному контролю. На ходу он достал телефон, чтобы написать в домашний чат.

В семейном чате висело последнее сообщение от Полины: «Мы спать. Напиши, как сядешь. Любим тебя». И следом — размытое фото сонной Вари, которая обнимала его домашнюю футболку, оставленную на диване. Лера как обычно выложила стикер, на этот раз «Ждем тебя».

Вова улыбнулся, быстро набрал ответ: «Уже у выхода. Тоже люблю вас. Прилечу напишу».

Он засунул телефон в карман куртки и посмотрел в огромное панорамное окно. На летном поле, залитом резким светом прожекторов, стоял его самолет. Огромный стальной лайнер казался неприступной крепостью. Вокруг него сустились заправщики и багажные тележки. Начинался мелкий, противный рассветный дождь.

Вова вздохнул, поправил лямку портфеля на плече и пошел на посадку, предъявляя девушке у стойки свой билет. До вылета оставалось полчаса.

В салоне самолета приятно пахло свежестью и новой обивкой кресел. Вова устроился на своем месте у окна в одиннадцатом ряду. Он всегда бронировал место строго у окна, заснуть ещё до взлёта было его традицией. На соседних креслах пара средних лет уже укутывалась в пледы, готовясь также проспать весь полет.

Лайнер тяжело покатился по рулежной дорожке, ускорился, взревел двигателями и оторвался от мокрой поверхности. Вова прикрыл глаза. Впереди был тяжелый день, и пара часов сна ему бы точно не повредила. Он по привычке нащупал в кармане куртки синий повербанк, который заботливо положила Полина, и телефон. Аппарат уже был переведен в авиарежим. На заставке светилось их прошлогоднее фото с дачи: они все четверо, испачканные ягодой, смеются в камеру.

Вова улыбнулся, убрал телефон и с большим удовольствием задремал под ровный, убаюкивающий гул турбин.

Прошел час. Самолет летел на высоте десяти тысяч метров. За иллюминаторами простиралось бесконечное море белых облаков, залитых ярким утренним солнцем. Бортпровод-

ники как раз начали развозить прохладительные напитки. Вова проснулся от легкого толчка и попросил у улыбчивой стюардессы стакан яблочного сока.

Он как раз потянулся за стаканом, когда тишину салона разорвал оглушительный, металлический скрежет.

Это не было похоже на обычную турбулентность. Самолет резко, всем корпусом, дернулся в левую сторону, словно споткнувшись о невидимую стену. Стакан с соком выскользнул из его пальцев, упав на колени. По салону прокатился испуганный выдох сотен людей.

— Дамы и господа, пожалуйста, оставайтесь на своих местах и застегните... — раздался из динамиков взволнованный голос стюардессы, но договорить она не успела.

Раздался страшный, глухой взрыв с левой стороны. Самолёт содрогнулся так сильно, что пластиковые панели над головами затрещали. Из открывшихся люков со свистом выпали желтые кислородные маски.

В иллюминаторах слева что-то вспыхнуло. Те, кто сидел у окон, в ужасе закричали. Вова посмотрел через плечо соседа увидел страшную картину: левое крыло неестественно дрожало, а там, где только что висел огромный, надежный двигатель, остался лишь изуродованный, полыхающий пламенем обрубок металла. Двигатель оторвало.

Самолет мгновенно завалился на левый бок и со свистом понесся вниз, проваливаясь в крутое пике.

В салоне начался настоящий ад. Крики ужаса слились в один сплошной гул, падали сумки, вылетевшие из багажных полок, стюардесса упала в проходе, отчаянно пытаясь за что-то уцепиться. Вову намертво прижало к спинке кресла бешеной перегрузкой. Воздух в салоне стал стремительно остывать.

Он судорожно потянул к себе кислородную маску, но пальцы не слушались. Сердце кололось в горле. Страх не было — был только дикий, звенящий шок и неверие, несогласие того, что это происходит на самом деле.

«Поля... Лера... Варя...» — пронеслось у него в голове. Перед глазами вспыхнуло лицо младшей дочери, её задорный смех и золотистая шоколадная медаль, которую он оставил ей на ладошке.

Самолет с ревом влетел в плотную стену облаков. Земля стремительно неслась навстречу. Вова зажмурился, изо всех сил сжав в кулаке синий повербанк в кармане.

Удар. Глухая тишина.

Глава 2. Пустота

...Это было самое тяжелое время. Время, когда первый, оглушительный шок отпустил, оставив вместо себя серую, липкую и бесконечную пустоту. Прошло девять дней. Квартира, которая еще недавно звенела от смеха, споров и запахов Лериной стряпни, теперь казалась чужой и пустой. Занавески были задернуты, в комнатах стояли полусумерки. Из кухни больше не пахло пирогами или жареной курицей — теперь там пахло только горьким остывшим кофе и лекарствами Полины.

Полина сидела за кухонным столом, безразлично глядя в одну точку. Перед ней лежали стопки документов, свидетельство о смерти в синей обложке и тот самый кожаный портфель Вовы, который спасатели передали ей пару дней назад. Сам портфель уцелел, но кожа на углу была сильно обожжена. Полина не плакала — у нее просто не осталось слез. Она казалась постаревшей сразу на десять лет.

В свои тридцать девять лет она оставалась той самой девушкой, в которую Вова влюбился много лет назад — женщиной её язык просто не поворачивался назвать. У неё всегда было потрясающее, врождённое чувство стиля, а с её лица практически никогда не сходила тёплая, располагающая улыбка.

Полина была яркой блондинкой с голубыми глазами и обожала экспериментировать со своими волосами, то и дело меняя оттенки, хотя Вова всегда говорил, что больше всего ему нравится, когда она красится в тёмный цвет. Её красивые, выразительные глаза всегда светились жизнью. А фигура «гитара» неизменно приковывала к себе взгляды, давая Вове повод для любимой шутки: он часто добродушно подкалывал жену, напоминая, что музыкальный колледж Полина вообще-то окончила по классу фортепиано.

Сейчас от этой лёгкости не осталось и следа. Сидя перед этой проклятой синей обложкой, Полина словно окаменела. Её золотистые волосы были небрежно убраны назад, обнажая бледное, осунувшееся лицо, а в опущенных плечах и пустом взгляде голубых глаз читалась лишь глухая, разрывающая изнутри пустота.

Лера закрылась в своей комнате. Из-за её двери больше не доносился весёлый смех. Она почти не выходила, а когда выходила — молча брала стакан воды и уходила обратно, пряча глаза, опухшие от ночных слез. Её комната превратилась в крепость, за стенами которой она пыталась спрятаться.

Варя сидела на полу в своей комнате. На ней была огромная серая папина толстовка, которая пахла его парфюмом. Варя сжимала в ладонке маленькую золотистую шоколадную медаль. Она так и не съела её. Фольга на уголках уже немного замялась от того, как часто девочка сжимала её в кулаке.

За окном медленно догорал пыльный городской закат. В квартире стояла такая звенящая тишина, что было слышно, как на кухне мерно и равнодушно тикают настенные часы.

На пороге появился Олег. Он не спрашивал разрешения, не ждал приглашений. Он просто молча разулся, прошел на кухню, сварил кофе и выставил на стол пакеты с продуктами.

— Как ты? — негромко спросил он, мягко сжав её плечо.

- Спасибо — от бессилия она не могла ничего ответить, лишь еле-еле поблагодарила его.

С первых минут после трагедии, когда мир вокруг Полины разлетелся на тысячи ледяных осколков, Олег без лишних слов взял всё на себя. Организация похорон, бесконечная бумажная волокита с инстанциями, закупка продуктов и бытовые мелочи — он молча оградил семью от этой давящей реальности. Полина была абсолютно отрешённой, застывшей в своем горе, она физически не понимала, что происходит вокруг. Некогда бойкая, сильная девушка с натурой настоящей тигрицы, способная решить любую проблему в бизнесе за один звонок, теперь не

могла сделать даже вдох без резкой боли в груди. Она потеряла самого любимого человека, и её внутренняя сила просто испарилась.

В те черные дни помощь Олега оказался для неё спасительным кругом. Полина ни о чем его не просила — у неё просто не было на это сил, но ему и не нужны были просьбы. Он появлялся именно тогда, когда нужно, приносил горячий чай, тихо разговаривал с юристами и мягко брал на себя руководство замершей компанией. Он просто знал всё сам. Тогда, в самом начале, его преданность другу была единственной опорой, за которую можно было удержаться, чтобы не сойти с ума от потери ... И это доверие не было слепым — оно ковалось годами. К моменту аварии Олег работал в компании уже четыре года. Придя изначально на должность обычного менеджера, он за первый год проявил себя как блестящий переговорщик и сильный лидер. Олег был на три года младше Вовы, но это не помешало им почти сразу стать ближайшими, неразлучными друзьями. Вова видел в нем колоссальный потенциал, и вскоре Олег занял пост директора по развитию. Он буквально горел общим делом. Полгода назад, видя его преданность и успехи, Вова и Полина единогласно предложили ему должность финансового директора. Они верили ему как себе.

В личной жизни Олега, как ни странно, всё складывалось далеко не так успешно. Красивый, подтянутый парень, регулярно занимающийся спортом, он обладал безупречной внешностью, которой мог позавидовать каждый. Высокий, с широкими плечами и рельефной, атлетичной фигурой, Олег выглядел так, словно сошёл с обложки мужского журнала. У него были максимально короткие аккуратно стриженные светлые волосы, подчёркивающие правильную форму черепа и волевой овал лица. В его движениях всегда чувствовалась уверенность и скрытая сила человека, который держит себя в железной форме. Предпочитая стильные рубашки с оригинальными принтами, он умел подать себя в любом обществе — непринуждённая элегантность была его второй натурой.

Особый шарм Олегу придавало его лицо: открытое, располагающее, с добрыми и невероятно весёлыми глазами. Когда он улыбался своей широкой, искренней улыбкой, от него веяло таким мощным позитивом и жизнелюбием, что он мгновенно становился душой любой компании. Этот харизматичный, общительный мужчина казался магнитом для окружающих, и его поднятый в приветствии кулак всегда ассоциировался у друзей с надёжностью и уверенностью. Глядя на этого цветущего, уверенного в себе человека, невозможно было даже представить, почему в его личной жизни до сих пор царил пустота.

В двадцать четыре года он впервые женился. До брака его избранница казалась обычной, милой девушкой с хорошим характером, но спустя пару лет совместной жизни её словно подменили. Начались постоянные необоснованные подозрения, беспочвенные скандалы и сцены ревности, итогом которых в двадцать восемь лет стал тяжелый развод. Детей у них так и не появилось. После этого у Олега было еще несколько попыток построить серьезные отношения, но все они ни к чему не привели. Последний год он и вовсе был один. В разговорах с Вовой под бокал коньяка он часто повторял, что устал от этих драм и больше не хочет никаких отношений. Олег искренне любил свою работу и буквально жил ей, а редкие свидания через приложения для знакомств полностью закрывали все его мужские потребности. Он был хорошим другом, таким неким одиноким трудоголиком, преданным другу и их общему детищу...

Олег приготовил ужин, накрыл на стол и позвал Полину. Они сидели вдвоем под теплым светом абажура. Полина медленно размешивала сахар в чашке, глядя в окно.

— Поля, — тихо позвал Олег. Он накрыл её ладонь своей. Его пальцы были сухими и теплыми. — Ты должна держаться. Ради девочек. И ради себя.

— Я стараюсь, Олег. Спасибо тебе за всё. Если бы не ты... — голос Полины дрогнул, она чуть не расплакалась, но сдержалась.

— Поль, нужно немного о деле, прости, но завтра нам нужно съездить к нотариусу, я всё подготовил, тебе только подписать несколько бумажек, нельзя оставлять компанию без руко-

водства, нам нужен новый генеральный директор, я заберу тебя в 9, это займёт не больше часа — Олег приобнял Полину, сказал – Держись – пошёл попрощался с девочками и уехал.

Полина сидела на кухне, обхватив голову руками и тихо плача от нахлынувшего чувства одиночества и безвыходности. В это же время Варя у себя в комнате забралась с ногами на кровать. Ей было очень тоскливо. Она прижала к груди папину серую толстовку и зажмурилась.

— Варюш. Доча. Хвостик, — вдруг раздался тихий, знакомый шепот со стороны окна.

Девочка резко открыла глаза и затаила дыхание. Сердце застучало прямо в ушах.

— П-папа? — сорвавшимся голосом позвала она в темноту.

— Да, родная. Это я. Не бойся, — голос папы звучал мягко, с той самой теплой ноткой любви, которую она помнила всю жизнь. — Это Я.

Слезы брызнули из глаз Вари, но это были слезы безумного, ослепительного счастья. Не помня себя, она спрыгнула с кровати, распахнула дверь комнаты и с криком побежала по темному коридору на кухню:

— Мама! Мама, папа здесь! Он разговаривает со мной! Быстрее, иди послушай!

Полина, испуганно вздрогнув, поднялась навстречу дочери. Из своей комнаты, щурясь от света выбежала Лера.

— Варюша, милая, успокойся, — Полина подбежала к младшей дочери, опустилась перед ней на колени и крепко прижала к себе. Её сердце разрывалось от боли. Врач предупреждал, что у одиннадцатилетней девочки на фоне стресса могут начаться слуховые галлюцинации. — Папы нет, маленькая моя. Его больше нет с нами.

— Нет, он там! Он в моей комнате! Он назвал меня хвостиком! — кричала Варя, пытаясь вырваться и увлечь маму за собой. — Лера, ну хоть ты поверь!

Лера лишь горько вздохнула, прислонившись к косяку двери, и отвела взгляд, в котором читалась только глухая, взрослая тоска.

— Варь, хватит, — тихо сказала Лера. — Перестань придумывать. От этого только больнее.

Полина долго качала Варю на руках, шепча ей ласковые слова, пока девочка, обессилив от рыданий, не затихла. Мама проводила её в кровать, подождала, пока она закроет глаза, поцеловала в лоб и тихо вышла, прикрыв дверь.

Варя лежала в темноте, глядя на лунную дорожку на полу. Ей было безумно одиноко. Все думали, что она сошла с ума.

— Папа... — тихонько прошептала она в пустоту. — Почему ты молчишь? Расскажи им...

Прошло несколько долгих, мучительных минут тишины. И вдруг, когда весь дом окончательно заснул, у самого изголовья кровати снова раздался тихий, любящий вздох:

— Я здесь, хвостик. Я ничего не могу понять, но могу говорить только с тобой. И, кажется... доча, я, по-моему, погиб в самолете.

Варя сглотнула подступившие к горлу слезы, прижала папину толстовку крепче к груди и прошептала в темноту:

— Да, папочка...

Это были единственные слова, которые она смогла из себя выдавить. Горло перехватило, а огромная, оглушающая волна осознания накрыла её с головой. В эту секунду все силы мгновенно покинули её маленькое тело, словно это короткое признание забрало последние капли энергии. Больше не было ни страха, ни слез — только безграничная, свинцовая усталость. Варя уткнулась носом в родную ткань толстовки, всё ещё хранившую едва уловимый папин запах, и провалилась в глубокий, спасительный сон, уносящий её прочь от жестокой реальности этого дня.

Глава 3. Время лечит

Время — странная штука. Оно не лечит, но постепенно затирает острые углы, как морская вода заглаживает битое стекло. Прошел месяц. Жизнь семьи Вовы медленно, со скрипом, но возвращалась в привычную колею. Полина теперь проводила на работе гораздо больше времени, пытаясь разобраться в делах фирмы. Лера, наконец, вернулась к своим любимым занятиям танцами, пропадая в зале до позднего вечера. Все их окружение — друзья, коллеги, соседи — проявили удивительную чуткость. Они словно сговорились: никто не произносил имя Вовы вслух, стараясь оберегать девочек от лишних слез.

В школе дела тоже наладились. Благодаря помощи Олега, все пропуски по учебе были улажены, учителя не давили, и девочки быстро нагнали программу. Всё возвращалось на свои места.

Разве что Варя... Варя изменилась.

Раньше, до катастрофы, она была душой компании: на переменах и школьных обедах вокруг неё всегда крутились подружки, стоял звонкий смех. Теперь всё было иначе. Нет, она не закрылась полностью, она общалась и играла с девочками, но всё чаще во время прогулок на школьном дворе Варя тихонько отделялась от группы. Она уходила в самый конец площадки, к старым качелям у забора, и подолгу стояла там, глядя на пустую аллею. Её губы при этом едва заметно шевелились, словно она вела с кем-то очень тихий, сосредоточенный диалог.

Одноклассники не видели в этом ничего плохого. Дети интуитивно понимали, что Варя потеряла папу, и просто давали ей время, всячески стараясь поддержать и не лезть в душу.

Но классный руководитель, Наталья Сергеевна, наблюдала за этой картиной уже неделю. Сердце у неё было не на месте. Понимая всю деликатность ситуации, она не стала устраивать расспросы, а просто вечером набрала номер Полины.

— Полина, здравствуйте, — мягко начала учительница. — Простите, что беспокою. По учебе у Вари всё замечательно, она большая умница. Но... я бы хотела предложить вам встретиться на несколько минут завтра после уроков. Есть один момент, который меня немного тревожит.

На следующий день Полина сидела в пустом классе за первой партой. Пахло мелом и мокрой тряпкой. Наталья Сергеевна, аккуратно подбирая слова, рассказала об увиденном на площадке.

— Понимаете, она уходит одна. И ладно бы просто молчала, грустила... Но она разговаривает. Очень увлеченно, как будто перед ней кто-то стоит. Я очень хорошо всё понимаю, это тяжелейшая травма для ребенка. Но, возможно, нам стоит мягко показать её нашему школьному психологу? Просто поговорить, чтобы Варя не замыкалась в себе.

Полина слушала, и внутри у неё всё холодело. Перед глазами встал тот вечер, когда Варя с криками бегала по коридору, утверждая, что папа в её комнате.

— Да, — тихо ответила Полина, сжимая в сумочке ключи. — Да, Наталья Сергеевна. Вы правы. Давайте попробуем.

Кабинет школьного психолога Ольги Владимировны не был похож на больничный. Здесь стояли мягкие кресла, на полках лежали игрушки, а на стене висели детские рисунки. Полина сидела на диванчике, а Варя устроилась в глубоком кресле, болтая ногами.

— Варюш, — ласково спросила Ольга Владимировна, протягивая девочке стаканчик с соком. — Расскажи, о чем ты шепчешься на площадке? У тебя появился новый друг?

Варя посмотрела на маму. В глазах Полины стояли страх и мольба. Девочка вздохнула, крепко сжала в кармане брелок, который она когда-то подарила Вове и решила сказать правду. Ей надоело врать и скрываться.

— Это не новый друг, — тихо, но твердо сказала Варя. — Это папа. Я иногда слышу его и говорю с ним.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Полина прижала ладонь к губам, в её глазах мгновенно заблестели слезы.

— И часто он приходит? — так же мягко спросила психолог, делая едва заметную пометку в блокноте.

— Нет, не постоянно. Сейчас его здесь нет. И я не могу позвать его, когда захочу. Папа сказал, что сам не может это контролировать. Он не знает, когда у него получится поговорить со мной в следующий раз. Но когда он приходит... он звучит совсем как настоящий.

Полина не выдержала, тихо всхлипнула и отвернулась к окну, плечи её мелко задрожали. Ей было невыносимо больно видеть, как её некогда веселая, здоровая девочка тонет в этих иллюзиях.

Ольга Владимировна тепло улыбнулась Варе и перевела взгляд на Полину:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.